

СЕВЕРНЫЙ МАРШРУТ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА: ПОЭЗИЯ И ПРАВДА

Летом 1900 года, получив очередной приговор за революционную деятельность, А. М. Ремизов отправляется в северную ссылку. Местом пребывания ему был назначен Устьысыольск — уездный город Вологодской губернии. Позднее писатель так определит начало и конец северного маршрута: «Перебрасывая из тюрьмы в тюрьму, судьба вела меня путем “несчастных” (говорю по-русски) от ковылевых степей сквозь вологодскую дебрь на устье Сысолы, и там покинула на своей воле жить среди югры — “языка нема”»¹. «Ковылевые степи» — это Пенза, в которой Ремизов отбывал ссылку по первому приговору, а место обитания таинственной «югры» — Устьысыольск (сейчас Сыктывкар), «столица зырянского края». Местный корреспондент «Вологодских губернских ведомостей», скрывавшийся под псевдонимом Абориген Вычегодский, в 1900 году писал: «На севере диком, далеко, почти в северо-восточном углу Вологодской губернии, среди лесов и болот затерялся городок Устьысыольск. Принято думать, что расположенные на дальних окраинах нашего севера города представляют собою медвежьи углы, где люди живут в курных избушках, носят одежды из шкур диких зверей и питаются рыбой и оленьим жиром. Это далеко не так. Устьысыольск, например, городок хотя и не большой, но мало чем отличающийся от своей метрополии — Вологды. Дома большею частью двухэтажные, тротуары хотя и не изразцовые, но много исправнее вологодских... Коренное население города составляют зыряне, занимающиеся преимущественно земледелием. Торговцев мало. Остальную и довольно значительную часть обывателей составляют служащие в правительственных и общественных учреждениях. В городе имеется клуб, в котором устраиваются танцевальные вечера, маскарады и спектакли... Кроме клуба в городе имеется в настоящее время ледяной каток, устроенный административно-ссылными на собранные по подписке средства. Что развлечения эти много здоровее, чем пить “мертвую”, — не может быть и речи, но, к сожалению, и здесь дело не обходится без враждебных “партий”»². Следующая корреспонденция Аборигена Вычегодского посвящена критике местных нравов. Автор сетует на интеллигенцию, которая замкнулась в своей среде и не занимается «культуртрегерством на зырянской почве», но основное внимание уделяется «мракобесию» — повсеместному распространению чародейства, как среди зырян, так и в русской среде. Местные колдуны настолько

---

¹ Ремизов А. М. Собр. соч. в 10 тт. Т. 8. М.: Русская книга, 2000. С. 401. (Далее ссылки на это издание даются в тексте.)

² Вычегодский А. Из Устьысыольска // Вологодские губернские ведомости. 1900. 11 февраля.

утратили чувство приличия, что проделывают свои «шутки» даже во время церковных служб. Таким был Устьысольск в год приезда туда Алексея Ремизова.

Писатель, как видно из приведенной в начале статьи цитаты, был склонен к некоторой мифологизации своей северной ссылки. Особенности этого явления, отразившиеся во многих текстах Ремизова, и будут рассмотрены в данной работе. Но прежде всего об одном неожиданном и явно не входившем в планы писателя результате мифологизации северного маршрута. Современные «ремизоведы», очевидно попав под влияние фантазий писателя, реконструируют совершенно неправдоподобную картину. Один из первых отечественных исследователей творчества Ремизова, С. С. Гречишкин, в 1977 году писал: «По трагическому недоразумению его (Ремизова. — Ю. Р.) вместе с уголовниками (а не с политическими) гнали пешком свыше тысячи верст в кандалах»³. Гречишкин ссылался при этом на книгу воспоминаний «Иверень», в то время еще не опубликованную. Эта явная несуразность тем не менее стала частью ремизовского мифа. Сравнительно недавно ее повторила с еще более основательной ссылкой американская славистка Грета Н. Слобин: «По ошибке его послали не с политическими, а пешком в кандалах с группой обычных преступников. Этот страшный этап оставил неизгладимый след в памяти Ремизова, он описан в его тюремном повествовании “В плену”, а позднее в “Иверне”»⁴. К смысловой ошибке совсем по-ремизовски добавляется опечатка. (Писатель, как известно, был ценителем и коллекционером курьезных опечаток.) В сборнике произведений Ремизова, вышедшем в Москве в 1989 году, начало этапа в Устьысольск отнесено к «1.XII. 1900» вместо «1.VII. 1900»⁵. Получается, что расстояние в полторы тысячи верст Ремизов и его товарищи по несчастью прошли пешком по зимнему пути, да еще и скованные кандалами. Любой человек, хоть немного знакомый с системой наказаний в России рубежа веков, поймет абсурдность подобного утверждения, которое воспроизводится снова и снова, несмотря на то, что у Ремизова подробно описан совершенно иной способ передвижения по этапу. В автобиографической повести «В плену» читаем: «Открыты окна. За вагоном летит солнце, блестящее и еще холодное, и лучи бьются о решетку <...> Скоро станция. Конвойные собирают чайники, арестанты спорят и грызутся. Поезд остановился». А вот описание водной части маршрута: «Пройдя через Вологодскую тюрьму, пять

---

³ Гречишкин С. С. Архив А. М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л.: Наука, 1977. С. 22.

⁴ Слобин Г. Проза Ремизова. 1900–1921. СПб.: Академический проект, 1997. С. 29.

⁵ Ремизов А. Огонь вещей. М.: Советская Россия, 1989. С. 303.

суток плыл я по Вологде, Сухоне и Сыsole. На медовый Спас — 1 августа (1900 г.) рано утром под звон колоколов — звонили к ранней обедне, пароход причалил к пристани, дальше ехать некуда: Усть-Сысольск, по-зырянски Сыктывкар. Я поднялся на высокий берег и с легкой ношей — этапный мешок за плечами, пошел в город».

Можно выделить три основных этапа и соответствующих им подхода Ремизова к северной проблематике. В произведениях, созданных в Устьсысольске и Вологде в 1900—1903 годах (автобиографическая повесть «В плену», роман «Пруд», рассказ «Новый год») и ориентированных на эстетику декаданса, на первый план выдвинуты темы несвободы, плена, деградации личности в мире «уездной, звериной глуши». Натурализм описаний сочетается с мистическим осмыслением ссылки как пространства экзистенциального отчаяния. Ремизов был фактически первым писателем, посягнувшим на любимый миф русских революционеров всех направлений — миф о ссылке как идеальном месте, где солдаты революции героически противостоят всевозможным лишениям, укрепляют свой дух, готовятся к новым схваткам с режимом, живут в братской любви к своим товарищам. Культ российской ссылки ярко отражен в лирике революционных поэтов, например в стихотворении В. Г. Богораза «Песня ссыльных»: «Нас уводит враг жестокий / Из неволи одинокой, / Из печальных стен тюрьмы / В край холодный, в край далекий, / В царство северной зимы. / Но, как братьев, нас сдружила / Наша юность, наша сила. / Общий гнет тяжелых уз. / И страдание освятило / Наш незыблемый союз...»

В романе «Пруд» Ремизов дает совершенно иную картину жизни колонии ссыльных революционеров: «Пятьдесят человек без того дела, которым жили. Без дела и без средств к жизни. Какая-нибудь подлая работа и тупая, отупляющая скука или ожидание работы, гнетущая праздность и озлобление <...> Из пятидесяти выдвигались вожаки: притягивали, группировали вокруг себя, а те поддакивали и гикали сплоченной слепой оравой. Каждое собрание казалось собранием злейших врагов. Такие обвинения возводили, к таким издевательствам прибегали — поискать, да мало. Сердце, что ли, так уже расходилось? И скука, скука смертная». Описания северной природы в текстах этой группы по-символистски условны, они нарочито подчеркивают общее настроение трагизма и бессмысленности бытия: «Дорогим ковром, бледно-пурпурный, будто забрызганный кровью, по болотам раскинулся мертвый мох, желанья будя подойти и уснуть навсегда... Запах прели и гнили, как паутина, покрывает черты ядовитые, полные смерти». Даже через полвека вспоминал писатель растительность северных болот, но уже без декадентских коннотаций. 4 августа 1949 года он писал

своему биографу: «Меня поразили в лесу на Печоре цветной ковровый мох, и эта бархатная глубь...»⁶

На произведения этой группы определенное влияние оказало средневековое представление о Севере как о царстве мертвых и обиталище злых духов. Сам дьявол властвует над этой землей, и дьявольской волей обусловлено все зло, здесь творимое, в том числе и «небратские» отношения между людьми. Не случайно, что в своей «вологодской повести» «Часы», примыкающей к северным текстам, Ремизов поселил дьявола на главной колокольне Вологды — самом высоком строении Вологодской епархии, а из всех исторических достопримечательностей Устьсысольска выбрал фреску на западной стене городского собора с необыкновенно выразительным изображением князя тьмы. Позднее, в петербургские годы, писатель часто вспоминал свое «северное заточение», по-разному варьируя связь этой территории с «нечистой силой». Латышский писатель В. Эглитис, близко знавший Ремизова, изобразил его в романе «Неотвратимые судьбы» под именем господина Бубуки. В этом образе отразились как реальные факты жизни Ремизова в Устьсысольске, так и их игровое переосмысление. «Рассказ его (Бубуки. — Ю. Р.) был очень нелогичен и бессвязен, да у мифотворца была такая привычка разговаривать. Но расспрашивать ни о чем нельзя было.

— Эти северяне своеобразны. Не только монгольская раса, но и живущие там славяне. Скука ужасно длинной зимы отдает их под власть сатаны, потому что с сатаной, видите ли, всегда весело. С ангелами, напротив, скучно, если нет какого-нибудь занятия.

— Разве у вас не было керосина, чтобы читать и писать? — спросил Калейс.

— Читал я много, но о чем будешь писать, если нет никаких стимулов? С той самой поры я освоил всю колдовскую науку шаманов»⁷.

Следующий подход Ремизова к северной проблематике можно условно назвать этнографическим. Он почти целиком локализуется в цикле «Северные цветы». Это стилизации по мотивам зырянского фольклора. Занятия фольклористикой являются одной из традиций российской политической ссылки, но фольклоризм Ремизова имеет мало общего с народническим или социал-демократическим интересом к народному творчеству. В комментарии к рассказу из зырянской мифологии «Омель и Ен» писатель довольно точно определяет круг своих источников: «Живя в Устьсысольске

---

⁶ Кодрянская Н. В. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 129.

⁷ Цит. по: *Спроге Л., Вавере В. А.* Ремизов в жизни и творчестве В. Эглитиса // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Еуропа Orientalis (СПб. — Салерно). 2003. № 4. С. 160.

(Вологодской губернии), в этом центре зырянского населения, я глазами пленника смотрел на неведомое мне нерусское царство и слушал рассказы тех простых людей, с которыми коротал долгие зимние дни-полуночи. Книги и рассказы просвещенных зырян: книги К.Ф. Жакова и рассказы В. В. Налимова (надо: В. П. Налимова. — Ю. Р.) дали мне ту шапку-невидимку, в которой я сам на свой страх пошел по лесам и полям странной зырянской земли, как странна медноликая белая зырянская ночь» (т. 3, с. 600). Отметим лишь, что книжные источники у Ремизова всегда преобладали над «рассказами простых людей» и что главной книгой для писателя стала своеобразная «зырянская энциклопедия» — труд Г. С. Лыткина «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. Пособие при изучении зырянами русского языка», изданный в Петербурге в 1889 году. Пользовался Ремизов и полевыми записями фольклора, сделанными «зырянином-патриотом», фельдшером из Устьысыольска В. П. Налимовым. Метод работы с записанными фольклорными текстами, опробованный на зырянском материале, писатель вскоре с успехом использует в своей знаменитой «Посолони».

Но начиналось все на Севере... Ремизов однажды написал, что в его документах ссыльного, выданных полицией, в графе «профессия» было указано — «писатель-декадент». Не следует понимать это заявление буквально — в официальных бумагах все было написано как надо, без всяких вольностей, да и само слово «декадент» в 1900 году еще не получило столь широкого распространения. Здесь, скорее всего, надо видеть самоощущение будущего писателя. Ремизов действительно мечтал стать поэтом и писал стихи, вполне укладывающиеся в одну из декадентских моделей стихосложения. (Начинающий поэт, похоже, подражал нерифмованным стихам З. Гиппиус, да и не только ей.) И вот в уже упомянутой учебной хрестоматии Лыткина, по которой политический ссыльный изучал историю и этнографию зырянского края, он обращает внимание на русские подстрочники зырянских свадебных песен. Эти тексты поразили Ремизова сходством с его собственными верлибрами. Произошло индивидуальное открытие эстетики примитива как актуальной для модернизма начала века художественной модели. Писатель осознал, что при самой минимальной обработке архаичный фольклор можно превратить в модернистский текст. (В. В. Розанов определил творчество Ремизова формулой «археология + *styl moderne*» (т. 7, с. 66). Применительно к стилизациям, основанным на фольклоре и древней книжности, которые составляют значительную часть литературного наследия писателя, более подходит формула «археология = *styl moderne*). По тем временам это было достаточно рискованным занятием — критика серебряного века с особым упорством выслеживала и разоблачала «плагиато-

ров». В 1909 году и Ремизов был обвинен в «литературном воровстве». Разразившийся скандал, как это ни парадоксально, лишь укрепил позиции писателя. Во-первых, в объяснительном письме, опубликованном в прессе, Ремизову удалось не только доходчиво рассказать о своей методике работы с источниками, но и показать себя тонким ценителем фольклора, чьи взгляды созвучны новейшим идеям о «соборном искусстве». Во-вторых, писательское сообщество на этот раз проявило корпоративную солидарность, встав на защиту коллеги. Ремизов на всю жизнь утвердил за собой право на свободное использование фольклорных текстов, да и вообще «плагиат из фольклора» в русской критике с тех пор никогда серьезно не обсуждался. (Лишь в 1950-е годы «лучший критик Русского Зарубежья» Г. В. Адамович, причем исключительно в частных письмах, вновь затронул, казалось бы, навсегда снятую тему, назвав писателя «Чичиковым: т.е. немного мошенником»⁸, и упомянув об «обманутых Ремизовым “модернистических дураках”»⁹.)

Первый же опыт «модернизации» (во всех значениях этого слова) фольклорного произведения принес экспериментатору удачу. 8 сентября 1902 года в московской газете «Курьер» было напечатано стихотворение Ремизова «Плач девушки перед замужеством» со скромным подзаголовком: «перевод с зырянского». Это очень близкое к тексту воспроизведение обрядового плача невесты из книги Лыткина. В соответствии со своими первоначальными воззрениями на соотношение христианских и языческих компонентов в традиционном фольклоре Ремизов исключил первые четыре строки зачина-обращения, видимо, считая их позднейшими наслоениями: «Спас да Пречистая, / Пожелай мне добра, пожелай. / Великим твоим пожеланием / С поверх головы до подножья ног моих»¹⁰. Он начинает «Плач» с обращения невесты к «красному солнцу», «белому свету», «подруге-луне» и «семицветной радуге». Тенденция по замене христианских символов языческими прослеживается по всему тексту. У Лыткина: «Пожелай мне добра от Бога / Столько, сколько звезд». У Ремизова: «Пожелай мне счастья от матери-земли, сколько на небе осенних звезд!» Интересно отметить, что публикатор оригинала и перевода плачей в какой-то мере спровоцировал писателя на вмешательство в текст, особо подчеркивая его «неканоничность» и вариативность. В подстрочном примечании Лыткин указал: «В этих плачах не везде соблюден размер стихов и

---

⁸ Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Публикация Н. А. Богомолова // Диаспора. Новые материалы. Вып. 5. СПб., 2003. С. 452.

⁹ Из писем Георгия Адамовича Игорю Чиннову / Публикация М. Миллер // Новый журнал (Нью-Йорк). 1989. № 175. С. 253.

¹⁰ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889. Отдел II. С. 175.

очевидны пропуски и перестановки. Прошу земляков сверить, исправить их...»¹¹ В работе с зырянскими фольклорными источниками Ремизовым был найден не просто продуктивный литературный прием, а, можно сказать, главный стержень творчества, заключающийся в ориентации на такие архаические (долитературные) модели авторства, как сказитель, сказочник, древнерусский книжник.

Третий этап ремизовского осмысления Севера представлен прежде всего в итоговых автобиографических книгах писателя «В розовом блеске», «Петербургский буерак», «Иверень», которые отделены от времени события несколькими десятилетиями. В них появляются некоторые принципиально новые моменты, прежде всего иное отношение автора к сообществу ссыльных революционеров. Напомним предысторию этого вопроса. Примерно в середине своего трехлетнего срока ссылки Ремизов прекращает революционную деятельность и заявляет о своем выходе из движения. Более того — под его влиянием «уходит из революции» и невеста Ремизова, Серафима Довгелло, которая лидерами партии эсеров была предназначена для повторения «подвига» Софьи Перовской. Скандал вышел за пределы вологодской колонии. Для исправления ситуации в Вологду приезжает авторитетная в партийных кругах Е. К. Брешко-Брешковская, «бабушка русской революции». Образумить раскольников ей не удастся. «Идейная» часть колонии объявляет Ремизову бойкот, от него отворачиваются самые близкие друзья. Эти события в какой-то мере и определили мрачный колорит ранних произведений Ремизова о жизни в ссылке. Со временем ситуация радикально изменилась, старые обиды утратили свою остроту. В годы революции и даже в первое время жизни за рубежом те «вологодские знакомцы» писателя, которые волею судеб оказывались при власти или при деньгах, охотно помогали Ремизову «во имя вологодского братства». Здесь можно вспомнить такие «громкие имена», как А. В. Луначарский, Н. А. Бердяев, Б. В. Савинков, да и не только их. Вологда в лице своих бывших насельников не отпускала Ремизова, вела его по жизни, опекала, наставляла.

Еще в 1905 году Бердяев приглашает Ремизова в Петербург, помогает устроиться на новом месте, вводит начинающего писателя в главные центры литературной жизни столицы. Делает он это с целью усиления «своей партии», о чем прямо говорит в письме к Л. Ю. Рапп: «Ремизовых перетаскиваю в Петербург, и это будет для нас большое приобретение. Они могут составить часть приятной атмосферы отношений с людьми в противовес неприятной атмосфере Мережковских»¹².

¹¹ Лыткин Г. С. Указ. изд. С. 175.

¹² Письма молодого Бердяева / Публикация Д. Барас // Память. Исторический сборник. М., 1979 — Париж, 1981. С. 244—245.

В книге воспоминаний «Петербургский буерак» Ремизов писал: «В мае 1920 года мы переехали на Троицкую в “Первый Отель Петросовета” (это устроила С. Н. Равич, знакомы с Вологды)» (т. 10, с. 203). За скупой информацией о перемене адреса стоит многое. Сарра Наумовна Равич, занимавшая в те годы руководящие должности в Петросовете и входившая в ближайшее окружение «хозяина Петрограда» Г. Зиновьева, фактически спасла жизнь Ремизовым, переселив их в пригодное для жизни место, предназначенное для советской элиты, пусть и не самого высокого уровня. Не случайно, что после отъезда писателя за границу некоторые советские газеты написали о «неблагодарности» Ремизова, которому советская власть предоставила такую небывалую для беспартийного литератора привилегию, как комнату в «Первом отеле Петросовета».

Важным было и участие в судьбе Ремизова другого вологодского знакомого из социал-демократического лагеря — Луначарского. В 1919-м решительное вмешательство «наркома по просвещению» освободило писателя из тюрьмы. Этот случай описан в «Иверне»: «А когда я “по недоразумению” попал на Гороховую (дело о восстании левых с.-р., сами посудите, какой же я “повстанец”), первые слова, какими встретил меня следователь: “Что это у вас с Луначарским, с утра звонит?” И я робко ответил: “Старый товарищ”». В 1921 году Луначарский помог Ремизовым выехать из Советской России. В соответствующем «удостоверении» было указано, что «Народный Комиссар по Просвещению находит вполне целесообразным дать разрешение писателю Алексею Ремизову временно выехать из России для поправки здоровья и приведения в порядок своих литературных дел, т.к. его сочинения издаются и сейчас за границей вне поля его непосредственного влияния»¹³.

Ремизов действительно расценивал свое пребывание в Берлине в 1921—1923 годах как временное. Нет никаких свидетельств того, что писатель намеревался стать невозвращенцем. Он искренне считал, что его творчество с преобладающей «русской темой» немислимо вне России. Кроме того, на родине оставалась единственная дочь Ремизовых — Наталья. Осенью 1923 года были получены все необходимые документы для возвращения в РСФСР, но чета Ремизовых неожиданно выехала в Париж. Точно неизвестно, что послужило причиной такого радикального поступка. Можно лишь предположить, что это действительно судьбоносное решение было принято после встречи с еще одним вологодским знакомцем —

---

¹³ Цит. по: *Грачева А. М.* Между Святой Русью и Советской Россией. Алексей Ремизов в эпоху Второй русской революции // *Ремизов А. М.* Собр. соч. в 10 тт. Т. 5. С. 602.

Отто Христиановичем Аусемом, видным деятелем новой власти, вскоре ставшим советским консулом в Париже. Аусем, как хорошо информированный и, видимо, по-житейски мудрый человек, вполне мог открыть глаза писателю на его «советские перспективы». Свидетельство об этой встрече можно найти в книге Ремизова «Взвихренная Русь», где эпизод подан в сновидческой стилистике, отчасти, может быть, и по соображениям конспирации: «-- в каком-то невольном заточении нахожусь я. Только это не тюрьма. А такая жизнь — с большими запретами: очень много чего нельзя <...> И вижу, из залы выходит очень высокий офицер, похож на Аусема. Да это и есть О. Х. Аусем, я его узнал. Но он не признает меня. “Вас надо в штыки!” — сказал Аусем. А я понимаю: он хочет сказать, что я должен отбывать воинскую повинность. “Никак не могу!” — и я показал себе на грудь. “У нас все заняты, — ответил Аусем, — одни орут... да вы понимаете ли: “орут”?” “Как же, одни пашут...” И мы вместе выходим в зал. “Вы из Кеми?” — спрашивает Аусем. “Нет, — говорю, — я из Москвы”. “А где же ваша родина?” — он точно не понимает меня. “Я — русский — Москва — Россия!” — “Ха-ха-ха!” — и уж не может сдержать смеха и хохочет взахлеб. И я вдруг понял: а и в самом деле — какая же родина? — ведь “России” нет!» (т. 5, с. 196—198).

В 1924 году «русский Париж» раздирали политические страсти и противоречия. Ремизова обвинили в «большевизанстве», в тайных симпатиях к советской власти, припомнили ему и дружбу с видными коммунистами, соратниками по вологодской ссылке, и советское гражданство, от которого писатель не собирался отказываться. Почти зеркально повторялась вологодская ситуация двадцатилетней давности. Впечатление зеркальности усиливается еще и тем, что главный обвинитель Ремизова по «вологодскому делу» Борис Савинков стал основным защитником писателя в Париже. Савинков не только морально поддерживает Ремизова, но помогает ему деньгами, устраивает какие-то внелитературные заработки. «Отзывы собирал для меня Ремизов. Он здесь голодает. Мережковский мечет громы против его: Ремизов-де печатается у большевиков», — пишет Савинков 7 февраля 1924 года своему соратнику по борьбе с советской властью А.В. Амфитеатрову, явно стараясь повлиять на общественное мнение в радикальных кругах эмиграции. Амфитеатров ответил уклончиво: «К сожалению, Ремизов действительно печатался у большевиков и любезничал с ними больше, чем следовало бы. Но в грех ему сего не ставлю, ибо человеку жутко приходилось» (письмо от 16 февраля). Савинков настаивает: «Если Ремизов и виновен, то в слабости человеческой — в дровах, картошке и проч. Я его знаю 25 лет. Он такой же коммунист, как мы с Вами» (письмо от 18 февраля). «О Ремизове я вполне с Вами согласен», — сообщает в ответном письме Амфи-

театров¹⁴. Таковы лишь некоторые факты «вологодского влияния» на судьбу Ремизова, но и их достаточно, чтобы понять, каким важным смыслом наполнилось для писателя понятие «вологодское братство».

Изменилась и литературная ситуация — давно канул в прошлое «диаволический дискурс раннего символизма» (А. Ханзен-Леве), под знаком которого начинал Ремизов. Может быть, и поэтому вологодская колония ссыльных изображена в поздних книгах писателя как очень привлекательное сообщество чудаков, героев и интеллектуалов. Началось переосмысление вологодской темы во второй половине 1920-х годов с автобиографического очерка «Северные Афины», опубликованного в «Современных записках» — главном литературном издании Русского Зарубежья¹⁵. Позднее в переработанном виде очерк вошел в книгу «Иверень», при жизни писателя не издававшуюся. Вологда из глухого и злого захолустья, к тому же находящегося под властью дьявола, превращается у Ремизова в «Северные Афины» — интеллектуальную столицу края, где ссыльные противники режима занимаются философией, театром, литературой, устраивают нечто похожее на платоновские пиры. Бескрайние и плохо обжитые пространства Севера, изначально враждебные цивилизованному человеку (вспомним: «югра — язык нема»), становятся близкими и родными, поскольку везде есть друзья и единомышленники. Такого «преображения пространства» Ремизов достигает простым приемом каталогизации: «В Устьысольске: Федор Иванович Щеколдин, автор “Электрическое солнце”... и повести “Голчиха”, и с ним: Александр Иванович Петров, Андрей Петрович Завадский <...> В Кадникове: Белоусовы Петр Ильич и Ольга Васильевна. В Великом Устюге: Викентий Андреевич Дрелинг и Зинаида Павловна <...> В Красноборске: др. Заливский и Любовь Семеновна и Бебка, их сын; на Печоре — др. Севастьянов — сумасшедший. В Сольвычегодске: Казимир Людвигович Тышка...» (всего писатель называет 43 имени) (т. 8, с. 482).

В книгах, воплотивших автобиографический миф автора, Северу отводится совершенно уникальная роль. Это место, где происходит перерождение автобиографического героя, своего рода инициация. В Устьысольск прибыл революционер, оттуда уехал писатель. Поэтому северный локус обладает, по Ремизову, некоторыми мистическими характеристиками. Мистической прародиной цивилизации являются для автобиографического героя окрестности Устьысольска: «Я осмотрелся кругом — какая нависшая грусть над притаившейся пустыней. Я узнаю прародину человечества,

¹⁴ Амфитеатров и Савинков. Переписка 1923–1924 // Минувшее. Исторический альманах. Кн. 13. М. — СПб.: Ateneum, 1993. С. 129–134.

¹⁵ Ремизов А. М. Северные Афины — история с географией — (предбанная память) // Современные записки. 1927. Т. XXX. С. 233–277.

крайний камень, откуда выйдет и пошел, разберется по лицу земли, человек. Я вижу первого человека, зверей и духов под пологом двух слившихся зорь. И читаю древнюю память человека о создании мира — о природе жизни из отчаяния и восторга». Присутствует мистическая составляющая и в описании Великого Устюга, который «в белые ночи пронизан ... живой глушью скрывшихся и скрытых жизней, погружен на дно рек...». Ремизов охотно включает в свои произведения местные легенды и поверья, которые также усиливают мистический образ Севера. «Есть такие города у нас на матушке на Руси, куда в Христову ночь не только серебряный кремлевский ясак, а зазвони и сам царь-колокол, сам царь-колокол не донесет. В Сольвычегодске на пустынном усолье, где над холмиками-домами одни церкви-кресты стоят, там случается, задастся год, и счастливые в полночь слышат звон... разливной, гудет по Устюжине шире Сухоны, Лузы, Юга и Вычегды — “Христос воскрес!”».

Ремизовская мифологизация Севера была замечена исследователями. Ольга Раевская-Хьюз в статье «Волшебная сказка в книге А. Ремизова «Иверень» отмечала, что «ссылка в Устьысольск соответствует “потустороннему миру” волшебной сказки, откуда герой возвращается “выдержавшим испытание, победителем”»¹⁶. Существует у писателя и собственно сказочная версия северного маршрута. Это цикл лирических миниатюр «К Морю-океану» и созданное на его основе балетное либретто — «русалия» «Алалей и Лейла». Герои этих произведений странствуют по волшебному миру демонов и духов народных верований, сказок и легенд.

Ремизов — в зрелом творчестве принципиальный противник литературных описаний «красот природы», — пожалуй, единственный раз отступает от своего правила и создает в «Иверне» восторженный гимн рекам Севера. «Нигде во всем мире нет такого неба, как в Вологде, и где вы найдете такие краски, как реки красятся, — только вологодские. Полунощное солнце в белые ночи — вон глядите! Голубая и алая плывет Вологда — Вологда, Лея, Сухона, Луза, Юг, Вычегда, Сысола <...> А когда на сотни верст дремучий берег заглядится дикой розой, смотришь и не знаешь, точно из гриммовской волшебной сказки “Спящая царевна”. А эти розовые пески между Устюгом и Сольвычегодском и эти белые алебастровые горы по Северной Двине к Архангельску? Или осенью, когда цветут сырые кустатые мхи и яркими персидскими цветами — да что! Надо все это видеть и чувствовать, а никаким словом не скажешь».

Север, таким образом, стал для писателя не только продуктивным источником поэтических и мифологических впечатлений и

---

¹⁶ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. в 10 тт. Т. 8. С. 608.

образов, но и важнейшим в мировоззренческом отношении событием жизни, во многом определившим его индивидуальность в отечественной словесности.

Ю. РОЗАНОВ

ЗАМЕТКИ О РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

1. «СТАРОЕ» И «НОВОЕ» — СЛОВО, ОБРАЗ, МОТИВ И СИМВОЛ РОМАНА

Словообраз «новый» занимает весьма значительное, может быть, даже главенствующее место в романе. Свое революционное предприятие по убийству старухи-процентщицы Раскольников называет «новым шагом» и «новым собственным словом»¹, которого боятся обыкновенные, обычные люди. Далее по тексту: «Что-то совершалось в нем как бы новое (видимо, нарастание решимости совершить преступление ради высокой идеи. — *Е. К.*), и вместе с тем ощутилась какая-то жажда людей». Вторая часть фразы образует характерный для Достоевского контраст «противочувствий». Даже уединенному мономану Раскольникову, одержимому своей «новой» идеей, выделяющей и подымающей его над обычной («старой») жизнью, нужны люди и общение с ними. Раскольников остается в душевной распивочной и слушает рассказ Мармеладова. Так появляется в романе очень важная сентиментальная линия (бедствия семейства Мармеладовых), которая была истоком романного замысла («Пьяненькие») и которая постоянно пересекается с трагической линией Раскольникова. Это также характерный эстетический контраст романа: соседство сентиментального и ужасного, трагедии и идиллии. Отметим здесь сон Раскольникова (первая часть романа), в котором такой контраст акцентирован.

Идиллия: детство, могила бабушки — идиллический образ: дети на могиле предков, поминальная кутья — «сахарная из рису и изюму, вдавленного в рис крестом», — также идиллический образ еды; в сентиментально-идиллических тонах представлен образ церкви со старинными образами и старым священником с дрожащей головой, детская вера Раскольникова, мальчика «семи лет», — все это сентиментально-идиллическое, умирительное настроение соседствует с ужасной сценой насилия. Мальчик видит, как возле

---

¹ Все цитаты из романа «Преступление и наказание» даются по изданию: *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. в 15 тт. Т. 5. Л., 1989.